

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 7
volume 7**

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

К проблеме варьирования корневого гласного в семитских первичных именах

Л. Е. Коган

(Санкт-Петербургский Государственный университет)

Как известно, семитские языки отличаются весьма высокой стабильностью консонантизма, как корневого, так и аффиксального. В большинстве семитских языков традиционно реконструируемые 29 согласных фонем дают относительно регулярные рефлексии, а в значительном количестве случаев и вовсе остаются неизменными. В особенности справедливо это в отношении имени, которое в значительно меньшей степени, чем глагол, затронуто т. н. «майзелизмами»¹ — спорадическими нерегулярными чередованиями корневых согласных.

Совершенно иную картину можно наблюдать, обратившись к реконструкции протосемитского именного вокализма. Здесь степень регулярности на практике оказывается столь низкой, что имена типа **dam-* 'кровь' или **kalb-* 'собака', имеющие одинаковый гласный во всех основных языках группы, остаются в очевидном меньшинстве.

Проблема реконструкции (именно реконструкции, а не простого сопоставления) первичного именного вокализма заинтересовала семитологов сравнительно недавно. В этой связи необходимо назвать работу И. М. Дьяконова [Diakonoff 1970], в которой целый ряд существенных инноваций (реконструкция бивокалической системы а/э, лабиовелярных, слоговых сонантов и др.) были призваны установить непротиворечивые формы для ядра семитской именной лексики. Несмотря на то что, с нашей точки зрения, эта теория остается наиболее взвешенной и отражающей реальное положение вещей, нельзя не признать, что материал, послуживший ей основой, был довольно узок и не охватывал всего объема первичных имен.

Альтернативная точка зрения была недавно выдвинута А. Б. Долгопольским². Представив значительно более широкий материал, автор также вводит существенную инновацию: протосемитское (ПС) ударение, по его мнению, было несвязанным и имело фонематическое значение. Революционность этой гипотезы очевидна: даже в самых оригинальных работах по нашей

тематике постулат о связанном и нефонологичном ударении почти всегда оставался неизменным³.

Характерно также, что А. Б. Долгопольский, как очевидно из нижеприведенной цитаты, полагает, что данное положение позволяет реконструировать однозначно строгие соответствия между основными типами ПС имен: «By satisfactory explanation I mean reconstructions and phonetic laws which predict the phonetic development in an unambiguous way. In other words, the formulas of sound development should be unambiguous, e. g. the formula "PI *-s- > Latin -r-" is satisfactory, while the formula "PI *j > Greek h- or 3-" is not, unless exact conditioning of *j- > h and *j > 3 is stated. Any deviation from the rules should be accounted for either by phonetic laws or by analogy, borrowings and other factors." [Dolgopolsky 1986: 71].

Данная работа является попыткой критического анализа вышеописанной концепции. Мы также надеемся, что отдельные положения, возникшие как результат полемики с А. Б. Долгопольским, помогут осветить некоторые проблемы реконструкции реконструкции протосемитского имени. Автор горячо благодарен Л. Г. Герценбергу и И. М. Дьяконову за ценные консультации.

I

1.1. Коль скоро ПС ударение было фонологичным, А. Б. Долгопольский реконструирует минимальные пары ПС имен, различающиеся только ударением: *'ḳatīl — *ḳa'tīl, *'ḳatal — *ḳa'tal и др., причем большая часть семитских nomina segolata объявляются первоначально бивокалическими с ударением на первом слоге и последующей синкопой второго гласного: *'ḳatīl > ḳatīl и др. Для отождествления таких имен предлагается схема их соответствий в разных семитских языках⁴.

1.1.1. *ḳatīl — везде ḳatīl

*ḳa'tal — гз. ḳatal; ар. ḳatal; евр. ḳātāl;
арам. ḳətal; акк. ḳitl-

*'ḳatal — гз. ḳatīl; ар. ḳatīl, ḳatal; евр. ḳātāl;
арам. ḳətal; акк. ḳatīl-, ḳatal-t.

Таким образом, рефлексии этих двух типов различаются довольно слабо (признает это и сам автор). Рассмотрим теперь примеры, которые он все-таки приводит в пользу их различия:

ПС *'walad: евр. *yäläd* < *wald- — Ар. *walad* (т. н. плеофония в арабском).

Во-первых, в древнееврейском, наряду с *yäläd*, существует и форма *wäläd*, закономерно соответствующая арабской бивокалической основе. Наличие в еврейском слова, начинающегося с *w*, разумеется, довольно странно. Тем не менее это слово (Gn. 11:30, 2S 6:23 Kt) именно в таком виде (с *w*) имеет надежные параллели в постбиблейском еврейском, иудейско-арамейском, угаритском, а также, в виде собственных имен, в набатейском и пальмирском [Koehler 1953: 246].

Во-вторых, в самом арабском, наряду с *walad*, существуют также формы *wald* и даже *wuld*, первая из которых прямо соответствует еврейской *yäläd*.

В-третьих, в геэзе к слову *wald* 'мальчик, сын' имеется соответствующее существительное женского рода *walatt* < *waladt, опять-таки восходящее к бивокалической основе [Leslau 1987: 613]. Заметим, что плеофонии для геэза Долгопольским в принципе не предполагается.

Таким образом, здесь, как и во многих других случаях, мы имеем дело с основой с нестабильным вокализмом, в данном случае особенно последовательно проявившимся во многих языках группы. Какому-либо систематическому объяснению, в том числе и просодическому (если не иметь, конечно, в виду спорадической, то есть опять-таки бессистемной, синкопы заударного гласного), это явление пока не поддается.

Что касается арамейских форм типа *gəbaḡ*⁵ 'муж, мужчина' и *ṣātam* 'кость' (ПС *'ṣadam и *'gabaḡ по Долгопольскому), прежде чем говорить о характере второго гласного основы, как это делает автор, необходимо в принципе доказать ее бивокалический характер, что в данном случае представляется совершенно невозможным — все без исключения ПС имена типов *ḡatI и *ḡatal имеют в арамейском облегчительный гласный после второго корневого (о качестве этого гласного см. ниже).

1.1.2. Особым случаем являются имена указанных типов с серединным слабым *w* или *y*. В этом случае, в отличие от предыдущего, Долгопольский постулирует регулярное соответствие между еврейским и геэзом, которое выглядит следующим образом:

ПС *'C¹awaC³/'C¹ayaC³ —
 евр. ед. ч. C¹āwä(o)C³/C¹ayīC³;
 мн. ч. C¹əwāC³im/C¹əyāC³im —
 гз. C¹oC³/C¹eC³, в то время как
 ПС *C¹awC³/C¹ayC³ —

евр. ед. ч. C¹āwä(o)C³/C¹ayīC³;
 мн. ч. C¹oC³im/C¹eC³im — гз. C¹awC³/ C¹ayC³.

Заметим прежде всего, что существуют по крайней мере два примера, прямо противоречащие высказанной гипотезе. Оба слова хорошо представлены и в еврейском, и в геэзе и несомненно принадлежат к общесемитской лексике:

гз. ṣayn 'источник воды' — евр. ṣayin, мн. ṣäyānot (вместо ожидаемого ṣenot);
 Гз. xayl 'сила' — евр. ḥayil, мн. ḥäyālim (вместо ожидаемого ḥelim).

Учитывая тот факт, что количество *nomina segolata mediae waw/uod*, сопоставимых для еврейского и геэза, весьма невелико (едва ли наберется и дюжина), а из них мн. ч. с сохранением w/u в еврейском имеют не более пяти, наличие двух исключений столь радикального характера невольно наводит на мысль, что отмеченные Долгопольским совпадения, скорее всего, являются случайными. Заметим также, что, в отличие от автора, мы не прибегаем к постбиблейским еврейским примерам, считая их в данном случае недостаточно основательным материалом для сравнения; в противном случае противоречащих примеров было бы еще больше (см. такое имя, как ṣor 'птица', евр. постбибл. мн. ṣorim — гз. ṣof и многие другие).

По нашему мнению, теория Дж. Гринберга [Greenberg 1955] об апофоническом характере -а- в еврейских множественных числах для *nomina segolata* остается вполне актуальной. Исходя из нее, можно построить следующую картину развития еврейских множественных чисел для *nomina segolata mediae infirmae*:

А. Наиболее архаический этап: все подобные имена склоняются во множественном числе со вставкой апофонического -а-. В классическом еврейском от этого состояния осталось лишь несколько очень архаичных реликтов:

Протоевр. *yawm 'день', мн. *yawamīma — евр. yom, yāmim; *bayt 'дом', мн. *bayatīma — евр. bayit, bātim (без спирантизации t (!!!)), ср. также угар. bhtm [*bahatūma] 'дома'; *ṣiy 'город', мн. *ṣayaḡīma < *ṣiyaḡīma (под влиянием ṣ) — евр. ṣir, мн. ṣārim.

Наличие в этих формах сверхдлинного â, не перешедшего, вопреки законам еврейской фонетики в ō, свидетельствует об особом характере гласных, явившихся результатом контракции — *-awa-/-aya-.

Б. "Классический этап": большинство имен этого типа имеют во множественном числе -е-/о-, появившееся в результате контракции дифтонгов -*aw-/ay- типа *zetim/šotim* ('оливы' и 'кнуты' соответственно).

Такая контракция может иметь два объяснения: 1) аналогия с формами, изначально содержащими дифтонг (типа *zeto* 'его олива' < **zaytuhu*); 2) синкопа (сначала, по-видимому, достаточно спорадическая) предударного гласного второго слога. По двум соображениям мы склонны предпочесть второй вариант.

Во-первых, синкопа предударного гласного хорошо зафиксирована в клинописных слоговых угаритских фрагментах. J. Huehnergard отмечает в этих текстах формы мн. ч. для *nomina segolata* с синкопой срединного гласного -а- и без нее: *masawātu/maswātu* 'cypress logs' (в одном и том же тексте!), *nabakīma/nabkīma* 'springs' и др. и делает такой вывод: «It is possible that the plural forms with the base *katl* are simply analogical innovations, in which the external markers of plurality are added onto the singular base, as in the case for most nouns and adjectives in the language. It is more likely, however, that these forms reflect instead the operation of an optional rule of syncope...» [Huehnergard 1987: 281].

Во-вторых, весьма сходные явления зафиксированы Х. Рабином в ряде древних арабских диалектов: «In the plural of feminine segolate nouns of the type *faʿla* the classical language inserts an -a- (*faʿalāt*), but not when the second radical is *w* or *y*. The Hudhail dialect inserted the *a* in that case, too, and said, e. g., *ʕawazāt* 'nuts' from *ʕawza* etc» [Rabin 1951: 80].

Таким образом, именно в именах *mediae infirmae* в классическом арабском происходит синкопа (то же, что и в еврейском), в то время как в архаичных западноарабских диалектах -а- сохраняется.

В. «Аналогический» этап: имена этого типа постепенно подгоняются под трехконсонантную модель с вторичным восстановлением срединного согласного. К этому этапу относится большинство приводимых Долгопольским примеров. Определение «аналогический» не подразумевает обязательно «хронологически поздний». Некоторые примеры очевидно довольно архаичны (например, *tayiš — təyāšim* 'козел', *ʕayir — ʕayāgim* 'молодой осел' и др.). Таких имен, однако, весьма немного, и большинство среди них составляют имена редкие и поздние, очевидно, образованные по аналогии. Так, имя *šuk* (мн.* *šəwākim*) 'улица' является редким (три употребления), поздним и, по-видимому, диалектальным синонимом исконного еврейского *ḥuṣ* (мн. *ḥuṣot*); множественное число от *šog* 'бык' (*šəwāgim*) встречается в Биб-

лии один (!) раз (Nos 12:12) в небесспорном контексте [Koehler 1958: 958], что неудивительно: во всех бесчисленных случаях, когда авторы Библии хотят сказать 'быки', ими употребляется т. н. «имя множественности» *bāqār*. В поздних же текстах, в Мишне, употребление этих супплетивных форм постепенно прекращается. На смену им приходят аналогические образования типа *ṣopot* или *ṣeyot*, в Библии совершенно немыслимые (*ṣopot* само является именем множественности для *ṣippōg* 'птица', а *ṣä* — именем единичности 'голова мелкого рогатого скота', множественным числом для которого является *ṣo(ʔ)n*).

В самом деле, количество множественных чисел с консонантным w/u ощутимо возрастает в постбиблейском языке. Приведем лишь несколько примеров:

ṣir 'город', мн. ч. библ. *ṣārim*, постбибл. *ṣāyārot*;
luāḥ 'табличка, скрижаль', мн. ч. библ. *luḥot*,
 постбибл. *ləwāḥim*;
 постбибл. *rayis* 'жеребий', мн. ч. *rəyāsot* и др.

Постбиблейского имени *gayis* 'войско' с мн. ч. *gəāysot* (его также приводит Долгопольский) не существует: есть лишь имя *gauyās* с закономерным множественным числом *gauyāsot* [Jastrow 1982: 237].

Заметим также, что ряд имен имеют в Библии две формы множественного числа — одну с w/u, другую без него, о чем Долгопольский не упоминает. К ним относятся, например, *dud* 'горшок', мн. ч. *dudim/dəwādim* и др.

Таким образом, крайне противоречивая ситуация с этими именами не дает, по нашему мнению, никаких оснований для систематических выводов на общесемитском уровне.

1.1.3. То же можно сказать и об именах с одинаковыми 2-м и 3-м корневыми, которые также широко используются Долгопольским в его построениях. Уже в Библии дублиеты во множественном числе обычны даже для самых распространенных имен этого класса:

har 'гора' — мн. ч. *hārim/*hārārim*
 (зафиксировано в st. constr. *haräre*);
ṣam 'народ' — мн. ч. *ṣammim/ṣāmāmim*
ḥoq 'закон' — мн. ч. *ḥuqqim/ḥiqəqe* (pl. constr.)
ḥeš 'стрела' — мн. ч. *ḥāšāsim* и др.

В Мишне их количество увеличивается:

ṭal 'роса' — мн. ч. ṭalālim
 šen 'выступ скалы' — мн. ч. šənānim
 šad 'сторона' — мн. ч. šadādim (но: šiddim в Библии).

Таким образом, реконструкции типа *'šadad на основании евр. мн. ч. šadādim представляются не вполне основательными.

1.2. Последним важным аргументом в пользу предложенной гипотезы является дистрибуция алломорфов аккадского (и, в конечном счете, общесемитского) показателя ж. р. -at/-t. Предполагается, что -at присоединяется к ПС основам с одним гласным, а -t — к бивокалическим основам.

Между тем, вполне очевидно, что на аккадском уровне дистрибуция этих алломорфов достаточно случайна. Поэтому вводится определенное ограничение: «The applicability of this criterion is reduced by the fact that new derivatives (words derived in proto-Akkadian and Akkadian) do not observe this rule» [Dolgopolsky 1986: 77]. При этом остается неясным, почему такие слова, как ešentu 'кость' или šamšatu 'солнцеподобный предмет', не имеющие параллелей с -t/-at в других семитских языках, считаются образованными на протоуровне, а, скажем, слово kabšatu, имеющее аналог в еврейском kibšā/kabšā (<*kabaš- по Долгопольскому) 'овца', — аккадской инновацией.

Хорошо известно, что эти алломорфы распределяются не последовательно не только в аккадском, но и в ряде других семитских языков. Так, согласно Huehnergard'у, в угаритском в случаях, когда их дистрибуция не обусловлена позиционно, они встречаются в свободном варьировании [Huehnergard 1987: 295]. Совершенно идентична ситуация и в еврейском, где даже одно и то же слово может быть зафиксировано в обоих видах — ср. причастия ḳal женского рода ḳotālät/ḳotələ (то же в производных породах), имена massebā/massābāt 'каменная стела', maḥšābā/maḥšābāt 'мысль' и др. Непросто судить и о том, какой алломорф был первоначально использован в том или ином слове: -a- в -at нередко подвергается синкопе — см. акк. bēltu 'госпожа' — ст. акк. bēlatu.

Таким образом, и этот критерий не может быть признан решающим.

2.1. ПС *ḳa'til — гз. ḳat(ə)l; ар. ḳatil, евр. ḳātel;
 араб. ḳətel; акк. ḳatl-

ПС *'ḳatil — гз. ḳatl, ар. ḳatil, ḳatl; евр. ḳātāl,
 мн. ч. ḳətālim; самаритянский еврейский (SE)
 мн. ч. ḳāteləm, араб. ḳətel, акк. ḳatl-

2.1.1. Приведем теперь некоторые примеры, противоречащие предложенным соответствиям:

ПС **ta^ʕim*: араб. *ṭa^ʕem* — гз. *ṭā^ʕem* 'вкус' вместо ожидаемого **ṭa^ʕem* (ссылка на наличие ^ʕ в геэзе неприемлема, т. к. э в этом языке прекрасно сосуществует с гортанными, см. *gə^ʕəs*, *nəḥna*, *šə^ʕart* и многие другие).

ПС **šalim*: араб. *šalem* — сам. евр. *šālēm*, мн. *šālāmī* 'статуя, изображение' вместо ожидаемого **šālēmī*;

ПС **ba^ʕil*: араб. *bə^ʕel* — гз. *bā^ʕl* 'хозяин, владелец' вместо ожидаемого **bə^ʕəl*.

ПС **ʕabid*: араб. *ʕābed* — сам. евр. мн. *ʕābādēm* (любопытно, что один раз на несколько десятков употреблений в самаритянском Пятикнижии встречается и форма *ʕābēdēm*).

Таким образом, можно сделать вывод, что гласный второго слога арамейских имен типа *ḳətVI* (< **ḳVtl*, **ḳatVI*) вторичен, а его вес при сравнении с другими семитскими языками довольно низок (даже такое хорошо известное слово, как ПС **katip* 'плечо', дает в арамейском *ḳətar* < **ḳatar* < **ḳatp* < **katip*, ср. ар. *katif*, евр. *kātef*).

2.1.2. В действительности, реконструкция двух последних имен как бивокалических (**ʕabid*, **ba^ʕil*) кажется весьма вероятной. По семантике они хорошо подходят под модель причастия состояния *ḳatil* (т. н. пассивное причастие в аккадском), ставшую позднее распространенной моделью качественных прилагательных в западносемитских языках. При этом в некоторых из этих языков имела место спорадическая синкопа второго гласного, явление, принявшее систематический характер в аккадском языке. Возможно, в некоторых случаях мы имеем дело с хронологически разными явлениями или с древними межъязыковыми контактами, но реконструкция отдельной модели, отличающейся лишь местом ударения, кажется нам совершенно излишней.

В этой связи полезно рассмотреть имя **malik*/**malk* 'царь'. Как и предыдущие два, его нельзя считать в строгом смысле первичным именем. Скорее всего, и оно первоначально функционировало как причастие состояния, правда, не вполне ясно, от какого глагола. Корень *mlk* имеет значение 'владеть, сохранить что-либо для себя' в современных южноаравийских языках, в частности в мехри. Это значение, по-видимому, не являющееся деноминативным от слова 'царь', лучше всего соотносилось бы с традиционным пониманием первоначальной семантики данного корня. Существует, однако, и менее тривиальное

объяснение. По-аккадски *malāku* значит 'давать советы', в связи с чем первоначальное значение нашего слова реконструировалось как 'тот, кто дает советы' [BDB: 572] или 'тот, кому дают советы' [Дьяконов 1988: 225], т. е. 'глава совета старейшин'. Впоследствии второй гласный имени подвергся в ряде языков синкопе (евр. *mälāk* < **malk*), в то время как в других сохранился в том или ином виде (ар. *malik*, акк. *status predicativus malik*, возможно араб. *mālek*). Опять-таки, нельзя исключать возможность древних заимствований.

Похожая ситуация — превращение первоначально бивокалического имени в сеголатное — имеет место и в аккадском слове *wardu* 'раб'. Первоначально, по-видимому, причастие состояния от глагола *warādu* 'спускаться' (или в социальном, или даже в географическом — с гор — смысле), это имя становится затем обычным сеголатным, причем рефлекс *-i-* не сохраняется даже в *status predicativus warad* (ср. с *malku* — *malik*).

2.2. К описанным выше противоречиям вплотную примыкает проблема т. н. 'плеофонии'. А. Б. Долгопольский полагает, что в ряде случаев арабский язык сохраняет полную форму имен типа **ḳatīl* в виде *ḳatīl*, в то время как в других случаях имеет место синкопа. При этом первый случай очевидно предполагает, что типы **ḳatīl* и **ḳa'tīl* слились в один.

Следует, во-первых, отметить, что такого рода плеофония существует и в еврейском. В самом деле, чем соответствие евр. *gāḥām* (также *gaḥam*, о чем Долгопольский не упоминает) — араб. *gaḥim* отличается от евр. *yaśel* (< **waśil*) — араб. *waśl/waśil* 'горная коза'? В обоих случаях мы имеем дело со спорадической синкопой исторически безударного (по нашему мнению) гласного в рамках одной и той же протосемитской именной модели. Особенно показательным в этом смысле слово **waḡiḥ*/**waḡḥ* 'луна, месяц' — в еврейском сосуществуют полная и синкопированная формы: *yārāḥ*/*yāreāḥ*. То же явление, возможно, имеет место в слове **gaḏir* 'забор, изгородь' — евр. *gāder*, ар. *ḏadir*, но также евр. топоним *gādār* (название города), ар. *ḏadr* и даже *ḏidr*, сам. евр. *gādār* (< **gidr* по [Murtonen 1964: 83]⁶).

2.3. Множественные числа *nomina segolata* в самаритянском еврейском.

Как уже было отмечено, А. Б. Долгопольский полагает, что *-a-*, вклинивающееся в моновокалическую основу во множественном числе, является не рудиментом инфикса множественного числа, а рефлексом некогда существовавшего безударного гласного. Тот факт, что этот гласный (*-a-*) всегда одинаков, Долгопольский объясняет генерализацией в иудейско-еврей-

ском и утверждает, что следы гласного -i- сохраняются в самаритянской традиции в виде -e-.

Во-первых, существует целый ряд случаев, когда второй гласный самаритянского мн. ч. труднообъясним и противоречит предложенным соответствиям:

'ârez, мн. ч. 'âgêzem 'кедр' — гз. 'arz вместо ожидаемого 'эгз (разумеется, это слово могло быть заимствованием, однако произошло это еще на общесемитском уровне и к проблеме самаритянского множественного отношения не имеет);

tâmer, мн. ч. tāmêrem 'финиковая пальма' — евр. tāmār вместо ожидаемого *tāmār или *tāmer и др.

Особенно трудно объяснить появление гласного после второго корневого в ряде форм двойственного числа, где он отсутствует при всех известных реконструкциях:

'êzen 'ухо' — дв. wêzênem, mâten — дв. mâtênem 'чресла' и др.

Во-вторых, многие самаритянские имена в принципе образованы по другим вокалическим моделям, чем аналогичные имена в иудейском еврейском, что делает их сравнение в плане вокализма подчас просто бессмысленным:

Сам. ādēšem 'новые' — иуд. ḥādāšim
 šāfelā 'прибрежная равнина' — šəpelā
 nākābā 'женщина, самка' — nəḳebā
 šādēḳā 'праведность' — šəḏāḳā и др.

В-третьих, множественные числа с -e- в самаритянском с равным успехом могут восходить как к *ḳatīl, так и к *ḳa'tīl, как это имеет место в слове yētêdot — мн. ч. 'кольшки для палатки' — ПС *watid, ар. watid, евр. u'ated.

Наконец, в-четвертых, само происхождение гласного после второго корневого в самаритянском множественном числе неясно. Муртонен, например, вообще считает его вторичным, а разницу в его качестве объясняет тем, что вставка этого вспомогательного (по его мнению) гласного происходила в разные периоды развития самаритянского диалекта.

2.4. Закljučая этот раздел, рассмотрим ряд более мелких, но весьма важных аргументов, приводимых Долгопольским:

2.4.1. *'ga'iš и *'ša'in

Так реконструирует Долгопольский слова со значением 'голова' и 'мелкий рогатый скот' на основании, как он считает, их рефлексов в аккадском и в геэзе (для первого слова). Напомним, что согласно общепринятым представлениям ' — сла-

бый ларингал — должен давать $\emptyset + a$ в аккадском, в то время как $\emptyset + e$ является рефлексом сильного ларингала (ς , h). Оба наших слова содержат слабый ларингал, но выглядят в старовавилонском аккадском как $g\ddot{e}šu$ и $\ddot{s}ēnu$ соответственно. Поэтому Долгопольский считает, что $-e-$ в данном случае отражает некогда существовавший после второго согласного $-i-$.

Заметим прежде всего, что в староаккадском данные формы выглядят как $gāšu$ и $šānu$, что вполне соответствует традиционным представлениям (это отмечает и сам Долгопольский).

С другой стороны, рефлексы протосемитских ларингалов в аккадском — проблема гораздо более сложная, чем это обычно представляется в грамматиках. В данной статье мы можем лишь привлечь внимание к примерам, противоречащим традиционным взглядам на данный вопрос, в то время как детальное его обсуждение выходит за рамки данной работы:

акк. $gādu$ 'сильный дождь, ливень'	— сем. $g^{\varsigma}d$ 'гром'
adi 'до'	— евр. ςad , $\varsigma \ddot{a}de$; саб. ςd , ςdy
$\ddot{s}ārtu$ 'волос(ы)'	— сем. $\acute{s}r$
ст. акк. $\ddot{s}ānu$ (позднее также $\ddot{s}ēnu$) 'грузить'	— сем. $\vartheta^{\varsigma}n$
$atūdu$ (ст. акк. $etūdu$) 'козел'	— евр. $\varsigma attud$, ар. $\varsigma atūd$;
$er\ddot{s}etu$ (ст. акк. $ar\ddot{s}atu$) 'земля' и др.	— сем. $\acute{r}\acute{s}$

Что касается $g\ddot{e}'\ddot{s}$ в геэзе, переход a в \ddot{e} перед гортанными с последующими i , u и \ddot{e} в этом языке является скорее закономерностью, чем случайностью. [Podolsky 1991: 16]. Он регулярно происходит, например, в глаголах с серединным ларингалом (гз. $g\ddot{e}'\ddot{e}ya$ — ПС $*ga'a'ya$ 'видеть' и еще десятки примеров). Заметим, что вокализм слова 'голова' в живых эфиосемитских языках вполне совпадает с традиционным ПС $*ra'\acute{s}$ — тигре $ra'as$, амхарский gas , гураге $gās$ (однако тигринья $g\ddot{e}'si$).

2.4.2. Трудно согласиться с тем, что 'The posttonic vowel in the word $z\ddot{e}'eb$ ($*\ddot{d}i'ib$) is reconstructible on the evidence of Hebrew'. Как известно, абсолютно все семитские имена типа $kitl$ с серединым гортанным взрывом дают в еврейском $k\ddot{e}tel$, так что абсолютно невозможно различить предполагаемые моно- и бивокалические основы. Явление это связано, по-видимому, с особым поведением кластеров \acute{r} в абсолютном конце слова: $*\ddot{d}i'bu > *\ddot{d}i'b > *\ddot{d}i'ib > z\ddot{e}'eb$.

2.4.3. Рефлексы ПС сеголатных имен с серединным h в самаритянской традиции противоречивы, см., например, иуд.

naḥal — сам. nēl 'ручей', taḥat — tēt/tāt 'под' и др. Поэтому не следует слишком полагаться на самаритянские формы gēm и lēm (< *'laḥim и *'raḥim по Долгопольскому), противопоставляя их, скажем, šāg 'заря' (*šahg).

2.4.4. Слово kəgm 'виноградник' в геэзе Леслау считает арабским заимствованием [Leslau 1987: 293]. Если это действительно так, его сопоставление с сам. мн. ч. kāgēmət с целью реконструкции ПС *'kaḥim не имеет смысла.

3.1. ПС *'kital * 'ki'tal

Это противопоставление, возможно, является одним из самых слабых мест в гипотезе Долгопольского. Из тех немногих примеров, которые приводятся в его работах на первую модель, пожалуй, лишь слово *'nišag заслуживает специального обсуждения.

Это слово (да и не только оно) имеет в семитских языках два явно выраженных вокалических дублета nišr/našg, дистрибуцию которых по языкам непросто объяснить. Во всяком случае, гласный -а- арамейского слова nəšag абсолютно ничего не говорит о первоначальном характере основы, т. к. ничего иного и не могло бы быть в арамейском имени такого типа.

То же можно сказать и о гласном -і- в арамейском status emphaticus nišgā, так как спорадический переход а > і в закрытом безударном слоге в еврейском и арамейском весьма распространен: см. евр. mātāg < *matg 'уздечка' — арам. mitgā, евр. bātān < *batn (ар. batn) — bitno 'его живот', евр. bārāk < *bark 'колени' — арам. birkā и десятки других примеров.

С другой стороны, если в первых двух случаях реконструируемые Долгопольским модели могли бы хотя бы в теории составить минимальные пары с уже существовавшими, отличаясь от них ударением, в данном случае сама возможность противопоставления не столь очевидна. Дело в том, что существование общесемитской модели имен *'kital может быть подвергнуто серьезным сомнениям.

Древнееврейский, вместе с арабским, — это единственный язык, где наличие данной модели может быть основательно доказано рефлексам (существенно, что в геэзе, в принципе, это могло бы быть так же, но нет ни одного первичного имени, к ней принадлежащего). В древнееврейском языке имеется всего семь имен, восходящих к этому типу:

nekār 'нечто чужое, иностранное'

śeśār 'волосы' (см. nomen unitatis śaśārā 'волос')

ᵑenāb 'виноград' (см.ар. ᵑinab 'виноад', ном.ун. ᵑinaba 'одна вино-
гадина')

ᵑekār 'опьяняющий напиток'

ᵑemār 'природный асфальт, битум'

lebāb 'сердце' (фактически не имеет множественного числа —
lābābot в IChr. 28: 9 должно быть признано поздней аналогич-
еской инновацией, — а с другой стороны, само употребля-
ется для обозначения множественности в Ex. 14: 5, Dt. 10: 16
и целом ряде других случаев)

ᵑelāᵑ 'ребро'

Практически все эти имена, за исключением ᵑelāᵑ, обла-
дают специфической семантикой (или ее рудиментами) множе-
ственности или собирательности и часто оказываются противо-
поставленными т. н. nomina unitatis. Поэтому идея, некогда выс-
казанная Е. Куриловичем [Kurilowicz 1961: 179], согласно кото-
рой lebāb (*libab) является первоначальным ломаным множе-
ственным числом для leb (*libb) с инфиксом -a- (ср., например,
гз. ʔəgr (*ʔigr), мн. ч. ʔəgar (*ʔigar) 'нога', кажется вполне правдо-
подобной и для целого ряда других имен этой модели. В любом
случае, показать ее первичный характер крайне непросто.

II

Хорошо известно, что ряду западносемитских имен типа
ᵑatal в аккадском соответствуют имена типа ᵑitlu (st. pred. ᵑitil).
А. Б. Долгопольский считает это соответствие регулярным и
использует его для обоснования своей гипотезы. Предлагается
следующая последовательность изменения основы ᵑatal в прото-
аккадском:

*maʔalu >

'половина'

*miʔalu >

редукция безу-
дарного гласного

*miᵑalu >

перенос ударения

*miᵑlu

синкопа безудар-
ного гласного

Действительно, имеется около пяти имен, идеально под-
ходящих под предложенную схему. Это, например, зап. сем.
*ᵑakar — акк. zikru 'мужчина, самец', *ᵑanab — zibbatu (*zinb-at-u)
'хвост' и ряд других. С другой стороны, многие примеры такого
рода совсем не так убедительны:

акк. *miṭru* 'канал' или 'земля, орошаемая водой'

— зап. сем. (ЗС) **matar* 'дождь, роса' (У Долгопольского семантика опущена)

mišlu 'половина'

— Долгопольский сопоставляет с ЗС **maḏal* 'пословица, параболла', в то время как более корректным семантически кажется сопоставление с ар. *miḏl* 'подобие', предлог 'подобно, словно'

bišru 'ребенок'
(*ḥarax legomenon*)

— ЗС **bašar* 'мясо, кожа' > 'род человеческий' (только арабский)

šikru 'хмельной напиток'

— евр. *šekar* (**šikar*)/ар. *sakar* — наличие дублетов в ЗС лишает сопоставление смысла, ибо должно предполагать развитие одних и тех же процессов как в акк., так и в ЗС. См. также акк. *šikāru* с тем же значением и с долгим *ā*, не восходящее закономерно ни к тому, ни к другому прототипу.

lildu 'сливки'

— гз. *lasd* 'масло', евр. библ. (зафиксирован лишь *st. constr. ləšad*) значение крайне неясно, евр. постбибл. *ləšad* 'жир'. Слово весьма сомнительно, как по семантике, так и по фонетике. О невозможности данного сопоставления см. [Leslau 1987: 318].

birqu 'молния'

— основная словарная форма слова выглядит *berqu*. Само слово позднее (младо- и новоавилонский, новоассирийский периоды), так что *a* > *e*, а затем > *i* может считаться вполне закономерным в соседстве с *g* — обычный процесс для вавилонского диалекта. Этим же явлением, кстати, может объяс-

няться обсуждавшееся выше слово *gēšu* [von Soden 1952: 12].

ziḫnu 'борода'

— наряду с евр. *zāḳān* и соответствующим ему ар. *daḳān* существует и ар. *ḏiḳn*, идеально соответствующее аккадской форме.

Таким образом, нет никаких оснований полагать, что здесь мы имеем дело не с очередным набором вокалических майзелизмов, а с регулярными соответствиями. В этой связи весьма полезно рассмотреть аккадское слово *midru*, которое, хотя и является редким, почти наверняка означает 'вид почвы, земли'. Забыв на мгновение о существовании языка геэз, мы могли бы добавить к нашему списку еще одно слово, прекрасно соответствующее предложенным правилам:

ар. *madaḡ* 'комья земли, сухой грунт' — акк. *midru*.

Разумеется, как только мы вновь вспомним о гз. *mədr* (плюс евр. постбибл. *mädär* < **madr*), явление спорадической мены корневого гласного вновь вступает в свои права, и ни о каком регулярном соответствии ЗС — акк. говорить здесь нельзя.

Наконец, если даже предположить, что речь действительно идет об одной и той же модели имен, нельзя исключить возможности перехода а в і не в открытом слоге, а в закрытом, как это имеет место спорадически в еврейском и, особенно, в арамейском. Ср., например, араб. *miṭra* 'дождь', *biṣra* 'мясо, плоть', *dikra* 'самец' и многие другие.

Кроме того, гласный, подвергшийся элизии в аккадском, имеет тенденцию восстанавливаться в *st. pred.* и *st. constr.* — *malku/malik* и т. д., в то время как в данных именах этого не происходит — *ziḫnu/ziḫin* и др.

Нельзя упускать из виду и тот факт, что данная модель может иметь в аккадском и другое развитие — см., например, *xatānu* 'зять' — евр. *ḥātān*, ПС **xatan*.

III

Как видно из вышеприведенного анализа, ни одна из групп примеров не может быть признана удовлетворительной, не говоря уже о значительном количестве мелких неточностей,

которые подчас сводят на нет самые любопытные построения. Тем не менее, заслуга автора остается огромной и заключается, по нашему мнению, в том, что своими работами он привлек внимание к проблеме, до сих пор фактически остающейся вне поле зрения семитологов. Лишь немногие ученые (назовем здесь в первую очередь И. М. Дьяконова и П. Фрондзароли) пытались представить реконструкции первичных семитских имен. При этом оба автора, с нашей точки зрения, несколько переоценили возможности вокалической реконструкции (особенно это касается Фрондзароли), так что ценность реконструируемых ими праформ часто сводится лишь к консонантному скелету⁷.

Как видно из вышеизложенного, мы не разделяем практически ни одной из предложенных Долгопольским гипотез, отвергая их, в основном, даже не по собственно теоретическим, а по чисто конкретным, частным причинам⁸. Между тем, собранные им примеры (а это действительно замечательная коллекция отклонений в именном вокализме) заставляет задуматься: а возможна ли в принципе непротиворечивая реконструкция прото-семитского именного вокализма? Следует признаться, что на настоящий момент едва ли не в половине случаев ответ на этот вопрос будет отрицательным.

В самом деле, рассмотрим, например, общесемитский трехсогласный корень со значением 'осень' — хгр, несомненно, относящийся к фонду первичных семитских имен. Несмотря на это, реконструкция вокализма этого имени поставит перед нами непреодолимые трудности:

евр. ḥogār (<*ḥurg) — ар./гз. xarīf — акк. xarpu (< *xarip-, *xarḡ-?)

Разумеется, можно посчитать ар./гз. вторичными из-за наличия в них долгого гласного, однако никто до сих пор не доказал, что в протосемитском не было долгих гласных, так что все три формы являются равноправными.

В этой связи уместно привести ряд других примеров подобного характера:

евр. bohān (*buhn) 'большой палец'	— акк. ubānu (* ^ʔ ubhānu), ар. bāhim, ^ʔ ibhām (см. также евр. мн. ч. bəhonot) (*bu/ihān)
евр. šə ^ʕ orā (*šū ^ʕ ar-at) 'ячмень'	— араб. sə ^ʕ artā, ар. ša ^ʕ ir
ḥālāb 'молоко'	— ар. ḥalīb
šoreb (*šārib — см. акк. ēribu) 'ворон'	— ар. ḡurāb
yātom (*yatām) 'сирота'	— араб. yatmā, ар. yatīm
šū ^ʕ āl (*šū ^ʕ al) 'лисица'	— араб. ta ^ʕ ālā, ар. θu ^ʕ āl

šāloš (*šalāš) 'три'	— акк. šalšu
šəmonā (*šamān) 'восемь'	— гз. səmn
bəṣīr (*baṣīr ?) 'скот'	— гз. bəṣrāwi
lābi? 'львица'	— ар. labu'a, lab'a, labā'a

Особое внимание следует обратить, однако, на чередования кратких гласных:

а. Колебания гласных внутри моновокалической основы:

евр. ʾohāl (*ʾuhl) 'шатер'	— акк. ālu (*ʾahl)
евр. ʾāšāk (*ʾašk) 'testiculus'	— акк. išku, уг. ʾušk, гз. ʾəskit (*ʾišk- или *ʾušk-)
ṣeśāb (*ṣiśb) 'трава'	— араб. ṣuṣb
ṣez (*ṣinz) 'коза'	— ар. ṣanz
dobār (*dubr) 'пастбище, отдаленное место'	— арам. dabrā 'поле', гз. dabr 'Гора, пустынь — место, где находится монастырь'
гз. dagʷər/da ʷər 'лемех плуга'	— араб. daḡr/diḡr/duḡr
— 'dəbṣ 'гиена'	— ар. dəbṣ, dəbuṣ
dəfṣ 'экскременты'	— ар. dəfṣ
dəmd 'пара быков, ярмо'	— евр. šämäd (*šamd)
fəḥm 'уголь'	— ар. faḥm, евр. pəḥām
gəbb (*gibb) 'бассейн с водой'	— ар. ḡubb, евр. geb (*gibb)
евр. gārām (*garm) 'кость'	— ар. ḡirm
— 'ḥedäk (*ḥidk) 'ночная тень'	— паузальная форма ḥädäk (*ḥadk)
гз. ḥəfn 'горсть'	— ар. ḥafna/ḥufna, евр. ḥorän (*ḥurn)
— 'ḥagl 'узы, кандалы'	— ар. ḥiḡl
евр. ḥoḵ (*ḥuḵk) 'закон'	— ар. ḥaḵḵ
— 'ḥeḵ (*ḥiḵ(w)) 'пазуха, лоно'	— ар. ḥaḵw, гз. ḥaḵʷe
гз. ḥəlḵ 'горло'	— ар. ḥaḵḵ, ḥulḵūm
— 'ḥəlḵat 'кольцо'	— ар. ḥaḵa
ḥənz 'яд'	— ар. ḥamz 'едкость, пикантность' [Leslau 1987: 235]
хʷəlḵʷ (*xulḵ)/хʷaḵʷ 'число'	— евр. ḥäläk 'доля, часть'
kawr 'горнило'	— ар. kūr (*kuwr)
ḵadh/ḵədh 'чаша'	
евр. lūāḥ (*luwḥ) 'табличка, скрижаль'	— ар. lawḥ
— 'mälah (*malḥ) 'соль'	— гз. malḥ/məḥ
motnayim (дв. ч. *mutn) 'чресла'	— акк. matnu

nädär (*nadr)/nedär (*nidr)

'обет, зарок'

neṣ (*niṣṣ) 'ястреб'

— арам. naṣṣā (мн. ч. neṣṣān)

rägäl (*ragl) 'нога'

— ар. riʒl

romah (*rumḥ) 'копье'

— гз. ramḥ/rəmḥ

гз. səb^ᶜ/sab^ᶜ 'семь'

— ар. sab^ᶜ

-"- ṣəfr 'ноготь'

— арам. ṭarḡā

евр. ṣohar (*ṣuhr) 'крыша

— ар. ṭahr, арам. ṭihārā/ṭahrā

ковчега'

'спина'

-"- šäbär (*šabr)/šebär (*šibr)

'обломок'

гз. śəʕərt 'волос'

— ар. ša^ᶜr, евр. śa^ᶜārā

-"- tas^ᶜ/təs^ᶜ 'девять'

— ар. tis^ᶜ

б. Колебания между моновокалической основой и основой с двумя краткими гласными и внутри основы с двумя краткими гласными:

гз. ʔafar 'пепел, прах' — евр. ʔeräg (*ʔir) -"- (если только в геэзе не смешались ларингалы и гз. не соответствует евр. ʕārār, ар. ʕafar, ʕafir)

евр. bākā(?) 'вид растения' — ар. bakʔ

-"- bəkor (*bukur?) 'первенец' — акк. buku, ар. bikr, гз. bakʷər (*bakur)

гз. baḳʷl (*baḳul?) 'трава, растение' — ар. baḳl

-"- dawal 'район, территория' — ар. dawla 'страна, держава'

-"- falag 'река' — ар. falaz, falz, акк. palgu, евр. päläg (*palg))

евр. gāder (*gadir) 'забор' — ар. žadr, židr

-"- gel (*gill)/gālāl (*galal) 'навоз, экскременты'

-"- ḥedāk (*ḥidk)/ пауз. ḥādāk (*ḥadk) 'ночная тень' — ар. ḥadaḳ)

ḥädär (*ḥadr)/ḥedär (*ḥidr) 'комната'

ḥek (*ḥink) 'нёбо' — ар. ḥanak

ḥameš (*ḥamiš) 'пять' — ар. хамс, гз. хамс, хэмс

kānār (*kanar) — гз. kənf (*kinf)

kāreś (*kariś) 'живот' — ар. kirš, kariš,

гз. karś

гз. ḳadh/ḳədh (*ḳidh) 'чаша' — ар. ḳadah

-"- lamṣ 'проказа' — ар. lamaḏ, lumḏa

(??) naḡad 'потомство, род' — евр. nākād (*nakd) 'внук, потомок'

namr 'леопард' — ар. namir/nimr, акк. nimru

евр. pārä(?) (*parʔ) 'онагр' — ар. farʔ, faraʔ, farāʔ

ар. baḏan 'змея' — евр. pätān (< арам.; *patn-)

евр. šāḳed 'миндальное дерево' — гз. səgd

Таким образом, проблема первичного семитского именно-го вокализма остается далекой от окончательного разрешения и нуждается в тщательном и всестороннем освещении. Можно лишь отметить, что в принципе такая ситуация имеет некоторое теоретическое обоснование. В самом деле, функциональный вес гласного элемента в семитском первичном имени весьма низок — как правило, внутри одного языка трудно найти два разных и действительно первичных имени с одинаковым консонантным составом, различающихся лишь вокализмом. Иными словами, имя типа *naṣṣ* 'орел' не противопоставлено в арабском языке никакому другому имени структуры *nVsr*, что облегчает возможность варьирования гласного. В то же время семитский глагол насквозь пронизан апофонией и любое изменение гласного в глагольной форме почти неизбежно приводит к существенным изменениям в смысле. Разумеется, данное суждение весьма умозрительно и не имеет ни доказательной, ни реконструктивной силы.

Примечания

1. Термин «майзелизм» предложенный для обозначения этого явления И. М. Дьяконовым [Diakonoff 1991—1992: 7], кажется нам весьма удачным, т. к. внимание семитологов к этой проблеме в действительности было привлечено впервые советским ученым С. С. Майзелем в его книге «Пути развития корневого фонда семитских языков» (М., 1983).

2. Основные постулаты этой теории изложены в [Dolgopolsky 1978], [Dolgopolsky 1986], [Dolgopolsky 1992, preprint]. Там же содержится большинство анализируемых нами примеров.

3. См., например, [Reiner 1966: 38], где автор, разбирая возможные реконструкции аккадского ударения, замечает, что в каждой из них ударение постулируется фиксированным и имеет не дистинктивную, а демаркативную функцию.

4. Схемы предложенных Долгопольским соответствий могут быть найдены в виде таблицы в [Dolgopolsky 1986: 83] или, в более полном виде, в [Dolgopolsky 1992: 153—154].

5. Идентификация гз. *gabṛ* 'раб' и евр./арам. **gabṛ* 'муж, мужчина' не столь очевидна, хотя и возможна. Как известно, глагол *gabṛa* значит в геэзе 'работать, делать', так что наше имя можно считать собственно эфиопским производным (т. е. прямой параллелью к *ʕabd*, ср. арам. *ʕābad* 'делать' — *ʕābed* 'раб')

6. Имеются и другие примеры, когда нарицательные имена, участвующие в образовании имен собственных, имеют в этом случае иной вокализм, см., например, евр. *ʕāram nahārayim* (**nahārayim*) — название исторической области в Сирии, букв.: 'Арам двух рек', ср.: евр. *nāhār* (**nahār*) 'река', но ар. *naḥr*.

7. Имеются в виду уже упомянутая работа И. М. Дьяконова [Diakonoff 1970], а также целый ряд работ П. Фрондзароли, например [Fronzaroli 1964—1972]. Последний, говоря о возможности реконструкции гласного элемента в первичных семитских именах, отмечает: «Ma le difficoltà che possiamo incontrare in singoli casi non devono springerci a conservare un'immagine storica ed evanescente del semitico. La coincidenza dell' vocali tematiche in un gran numero di casi è un fatto in più, che mostra il convergere, risalendo nel tempo, verso una lingua comune...» К сожалению, речь здесь должна идти не об отдельных случаях, а о массовом несовпадении гласных в основах первичных имен, которое никем, в том числе и самим

П. Фрондзароли, пока не было объяснено. Так, уже цитировавшаяся его работа содержит более сорока реконструкций первичных имен, вокализм которых не находит, с нашей точки зрения, закономерных соответствий в приводимых автором примерах (см. также списки, приведенные выше в нашей работе).

8. Исключение составляет, пожалуй, лишь чрезвычайно интересная и ценная мысль о возможности влияния второго гласного бивокалической основы на первый, перед тем как этот второй гласный подвергается синкопе (**katil* > **ketil* > **kitil* > **kitl*, то же с *a* > *u*) [Dolgopolsky 1986: 78—79]. В самом деле, примеров типа *gadir* > *gidr* не так мало (см., например, весьма удачно предложенную Долгопольским этимологию гз. *səfn* 'некоторое количество, несколько' через ар. *ṯafina* 'число'). Сходную мысль высказывал в свое время Х. Рабин, анализируя примеры вокалических дублетов в древних западноарабских диалектах: *kilma/kalima*, *ṣudka/ṣaduka*, *fixd/faxid* и др. «The last case shows influence of the elided vowel on the one preceding it, e. g. vowel harmony and subsequent elision».

Литература

- [Дьяконов 1988] — Дьяконов И. М. Глава «Страны Восточного Средиземноморья в I — II тысячелетии до н. э.» — История Древнего Востока. Ч. 2. М., 1988.
- [BDB] — Brown F., Driver S., Briggs C. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford, 1912.
- [Diakonoff 1970] — Diakonoff I. M. Problems of Root Structure in Proto-Semitic. — Archiv Orientalni, 1970, vol. 38, № 4.
- [Diakonoff 1991—1992] — Diakonoff I. M. Proto-Afroasian and Old Akkadian. A Study in Historical Phonetics. — Journal of Afroasiatic Languages, 1991—1992, vol. 4, № 1, 2.
- [Dolgopolsky 1978] — Dolgopolsky A. B. On Phonemic Stress in Proto-Semitic. — Israel Oriental Studies VIII, 1978.
- [Dolgopolsky 1986] — Dolgopolsky A. B. Semitic Nomina Segolata in Ethiopic. — Proceedings of the sixth international conference «Ethiopian Studies» (Tel-Aviv 14—17 April 1980). Rotterdam—Boston, 1986.
- [Dolgopolsky 1992] — Dolgopolsky A. B. From Proto-Semitic to Hebrew [preprint].
- [Fronzaroli 1964—1972] — Fronzaroli P. Studi sul lessico comune semitico. Roma, 1964—1972.
- [Greenberg 1955] — Greenberg J. Internal-a-plural in Afro-Asiatic (Hamito-Semitic) Languages. — Afrikanistische studien Dietrich Westermann zum 80 gebursttag gewidmet. Deutsche Akademie der wissenschaften zu Berlun, Institut für orientalforschung. XXXVI.
- [Huehnergard 1987] — Huehnergard J. Ugaritic Vocabulary in Syllabic Transcription. Atlanta, 1987.
- [Jastrow 1982] — Jastrow M. Dictionary of the Targumim, Talmud Babli, Yerushalmi and Midrashic Literature. N.—Y., 1982.
- [Koehler 1953] — Koehler L. Lexicon in Veteris Testamenti Libros. Leiden, 1958.
- [Kuriłowicz 1961] — Kuriłowicz J. L'apophonie en sémitique. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.
- [Leslau 1987] — Leslau W. Comparative Dictionnary of Gəʿəz (Classical Ethiopic). Wiesbaden, 1987.
- [Murtonen 1964] — Murtonen A. Materials for a Non-masoretic Hebrew Grammar II. An Etymological Vocabulary to the Samaritan Pentateuch. Helsinki, 1960.
- [Murtonen 1964] — Murtonen A. Materials III. A Grammar of the Samaritan Dialect of Hebrew. Helsinki, 1964.
- [Podolsky 1991] — Podolsky B. Historical Phonetics of Amharic. Tel-Aviv, 1991.
- [Rabin 1951] — Rabin H. Ancient West Arabian. L., 1951.
- [Reiner 1966] — Reiner E. A Linguistic Analysis of Akkadian. The Hague, 1966.